

П. В. Петров

**БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА
КРАСНОЗНАМЕННОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1941 ГОДА:
БЫЛ ЛИ ФЛОТ ГОТОВ К ВОЙНЕ?**

Говоря о подготовке Военно-Морского Флота СССР к войне с фашистской Германией в 1941 г., некоторые историки зачастую переоценивают степень его боеготовности перед войной¹. При этом они нередко ссылаются на такой факт, как отражение налетов немецкой авиации на советские военно-морские базы ночью 22 июня и отсутствие потерь советского ВМФ в первый день войны. Но при этом данные авторы забывают о тех трагических событиях, которые произошли на флотах уже на следующий день и в последующий период — летом 1941–1942 гг. В то же время, в большинстве новейших трудов по истории отечественного флота всё чаще высказывается мысль, что предвоенная боевая подготовка личного состава советского Военно-Морского Флота СССР грешила многими серьезными недостатками². К примеру, военный историк А. В. Платонов отмечал в своем капитальном труде о боевых действиях КБФ в 1941 г. «низкий уровень оперативно-тактической подготовки офицерского состава», а также пришел к выводу, что накануне войны «уровень боевой подготовки сил флота, особенно корабельных соединений, был невысок»³. Однако, данная тема, несмотря на всю свою важность, не становилась предметом отдельных исследований.

Чтобы понять причины неудачных действий советских флотов, и в первую очередь, наиболее мощного из них — Краснознаменного Балтийского флота, в начальный период Великой Отечественной войны, необходимо комплексно рассмотреть процесс его боевой подготовки (БП) в последние полгода перед войной — в январе-июне 1941 г. С этой целью, нами были внимательно изучены документы из фондов Филиала Центрального архива Министерства обороны РФ (Архива Военно-Морского Флота, г. Гатчина) и Российского государственного архива Военно-

Морского Флота, которые дают исчерпывающую картину состояния боевой подготовки КБФ в первой половине 1941 г.

Нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов в своем приказе № 00300 от 29 декабря 1940 г. поставил задачи по боевой подготовке всем флотам на 1941 г. По мнению Кузнецова, самым ценным в деятельности флотов в 1940 г. стал полученный в ходе советско-финляндской войны боевой опыт, использование которого позволило «поднять фактическую боеготовность наших флотов и флотилий и проверить на деле ряд организационных, оперативных и тактических положений и расчетов»⁴. В качестве конкретных достижений флотов нарком перечислил следующие: 1) командование и штабы получили хорошую тренировку в организации и управлении боевыми операциями; 2) командование флотами и флагманы начали приобретать навыки в управлении соединениями и частями при рассредоточенном базировании; 3) улучшение связи с военными округами Красной армии по части организации взаимодействия флота и авиации с полевыми войсками и авиацией РККА; 4) проверка боевого оружия в реальных боевых условиях. Итоги боевой подготовки ВМФ за 1940 г. Кузнецов охарактеризовал как подготовку одиночных кораблей и однородных соединений, поскольку учения и маневры, проведенные на флотах в течение этого года, показали недостаточное продвижение вперед в вопросах взаимодействия при решении сложных тактических задач⁵.

В конце своего приказа нарком отметил, что основную задачу, поставленную флотам на 1940 г., он считает невыполненной. Далее он привел длинный перечень тех недостатков, среди которых были следующие: 1) низкий уровень и культура боевого управления; 2) недостаточная методичность в организации, подготовке и проведении операций; 3) плохое знание театра военных действий и противника; 4) незавершенность плана огневой подготовки флота; 5) большое количество катастроф и аварий; 6) недостаточный уровень оперативно-тактической подготовки командного состава; 7) недостаточная связь авиации с соединениями флота. Как считал Кузнецов, такие крупные недочеты являлись совершенно нетерпимыми в сложившихся условиях, когда военно-морской флот «в любой момент может быть призван к выполнению фактических действий для обеспечения безопасности морских границ СССР и защиты его интересов на море»⁶.

Основную задачу ВМФ на 1941 г. он определил в «достижение слаженного взаимодействия всех сил флота для разгрома противника при решении типовых операций в любое время года и суток»⁷. Для ее решения, всю боевую подготовку флотов следовало, по его мнению, направить на отработку тем оперативных и тыловых игр, отрядных учений флота

и совместных учений с Красной армией. В частности, на Балтике были назначены флотские учения на следующие темы — «активная оборона устья Финского залива во взаимодействии всех сил флота», «активные минные операции у берегов противника с участием Отряда легких сил, подлодок и авиации», «противодесантная оборона островов Эзель–Даго во взаимодействии флота с частями Красной Армии и оборона входа в Рижский залив», «взаимодействующими силами КБФ и ВВС ЛВО уничтожение кораблей противника в море и его базах с одновременным содействием приморскому флангу Красной Армии в прорыве рубежа Котка–Сайменское озеро огнём корабельной артиллерии и высадкой десанта»⁸.

Маневры и отрядные учения флотов в 1941 г. следовало проводить с полным развертыванием тылов и обеспечивающих органов. На тактических учениях флотов полагалось отрабатывать целый перечень задач, среди которых были: 1) совместный удар всех взаимодействующих сил флота в море; 2) организация и проведение комбинированной морской и воздушной десантной операции; 3) борьба с парашютными десантами противника; 4) поддержка фланга армии силами корабельной артиллерии и высадкой тактического десанта; 5) взаимодействие ВВС и подлодок при нанесении удара по боевым кораблям или транспортным судам противника в разных районах ТВД; 6) высадка тактических десантов с боевых кораблей днем и ночью; 7) активная оборона баз собственными и приданными силами; 8) организация и ведение разведки на театре всеми силами и средствами флота; 9) отражение высадки десанта на угрожаемых участках нашего побережья во взаимодействии с частями Красной Армии; 10) нарушение коммуникаций противника при условии применения им системы конвоев⁹.

28 декабря 1940 г. заместитель начальника Главного морского штаба вице-адмирал В. А. Алафузов направил начальнику Штаба КБФ контр-адмиралу Ю. А. Пантелееву перечень тем оперативных и тыловых игр КБФ на 1941 г., утвержденный наркомом ВМФ пятью днями ранее. В соответствии с перечнем, на Балтике в 1941 г. предполагалось проведение трех игр: в январе — оперативной игры на тему «захват острова Оланд и прекращение коммуникаций противника в северной части Балтийского моря и в Ботническом заливе», в феврале — оперативной игры на тему «отражение и уничтожение сил противника при попытке захвата им побережья Латвии и островов Моонзундского архипелага при помощи морских и воздушных десантов» и в марте — тыловой игры на тему «организация маневренной базы на территории, захваченной у противника и обеспечение боевой деятельности базирующихся на неё кораблей»¹⁰.

В свою очередь, 9 января 1941 г. командующий КБФ адмирал В. Ф. Трибуц издал приказ № 020, определивший задачи по боевой под-

готовке флота на текущий год. Оценивая проведенные флотом учения в прошлом году, Трибуц указывал, что содержание тактических учений в 1940 г. «было элементарным, а сами учения проводились лишь в простых условиях, это снижало качество подготовки, не развивало инициативу, решительность командиров и начальников». Тем самым, командующий КБФ признал справедливость упреков наркома ВМФ по поводу плохой боевой подготовки Балтийского флота на декабрьском совещании 1940 г. С целью устранения имевшихся недостатков в боевой подготовке флота, Трибуц призывал резко улучшить в 1941 г. качество всей боевой подготовки флота, «устранив в первую очередь недостатки, имевшие место в прошлом году»¹¹.

Кроме того, он указал на целый ряд имевшихся серьезных недостатков. Подготовка одиночных кораблей и одиночных соединений не была ориентирована на оперативно-тактические задачи, которые должно было решать каждое соединение. Отмечалась недостаточная организационная связь морской авиации с соединениями флота, и особенно с Эскадрой КБФ. Имело место неполное выполнение огневых задач, а также задач по курсам БП флота. Огневая подготовка оценивалась сугубо формально и проводилась преимущественно в полигонных условиях, без создания помех и затруднений, которые реальны для боевой обстановки. Многие командиры соединений не поняли новых условий рассредоточенного базирования флота, круглогодичного проведения БП и связанных с этим трудностей в её прохождении. С их стороны не проявлялось необходимой инициативы, самостоятельности и напористости для преодоления этих трудностей при руководстве боевой подготовкой. Уровень и культура боевого управления флотом не отвечали современным условиям ведения операций. Имело место значительное количество катастроф, аварий и поломок надводных кораблей, подлодок и самолетов, которые в большинстве случаев происходили по вине личного состава¹².

Подобное состояние дел не могло удовлетворять ни наркома ВМФ, ни Военный совет КБФ. Трибуц был вынужден признать, что такие крупные недочеты «совершенно нетерпимы в настоящих условиях, когда Флот в любой момент может быть призван к выполнению боевых действий для обеспечения безопасности морских границ СССР и защиты его интересов на море»¹³. В связи с этим он, сославшись на указания наркома ВМФ, сформулировал главнейшие оперативно-тактические задачи для соединений КБФ.

Всем командирам соединений и баз КБФ было приказано всю командирскую учебу, оперативные и тактические игры на соединениях, групповые упражнения на кораблях проводить исключительно по темам основных задач своих соединений в порядке подготовки к их выполне-

нию. Отныне, все этапы боевой подготовки, начиная с одиночной подготовки корабля и однородного соединения и заканчивая подготовкой флота в целом, следовало полностью подчинить решаемой оперативно-тактической задаче. Учебу каждого соединения, части и корабля требовалось полностью направить на подготовку к выполнению очередных тактических, отрядных учений и маневров, планируя её строго в соответствии с их календарными сроками по годовому плану БП флота. Кроме того, оперативно-тактическую подготовку и четкое взаимодействие различных родов оружия в 1941 г. требовалось сделать «центральным местом боевой подготовки каждого соединения»¹⁴.

Особое внимание предполагалось обратить на штурманскую подготовку, особенно на астрономические наблюдения. Командирам соединений было отдельно указано, что точность кораблевождения имеет первостепенное значение для их боевой подготовки, поскольку ни одна оперативно-тактическая задача не может быть решена без этого важнейшего компонента. Командному составу КБФ было приказано повысить качество подготовки управления огнем на кораблях и береговых батареях. Также требовалось чаще и в большем объеме отрабатывать минно-торпедное вооружение, повысить качество использования радиосвязи и улучшить систему наблюдения за водным и воздушным пространством¹⁵.

Одновременно с приказом командующего флотом, Штабом КБФ были составлены «указания по боевой подготовке на 1941 год» и «план-календарь боевой подготовки КБФ на 1941 год». В соответствии с планом-календарем, было решено провести на флоте в январе, феврале и июле три оперативно-тактические игры, в марте одну тыловую игру, а также еще четыре отрядных и шесть тактических учений для флота. Кроме того, предполагалось организовать четыре учения по боевому управлению и три сбора флота¹⁶. Также Штабом КБФ были утверждены перечни тем для отрядных и тактических учений, сборов, подготовительных игр и учений по планам командиров соединений¹⁷, а также «перечень оперативно-тактических наставлений, подлежащих представлению на утверждение Военного совета КБФ»¹⁸.

Большое значение для повышения уровня оперативной и тактической подготовки командно-начальствующего состава КБФ имели учения по боевому управлению (БУ) №№ 1 и 2 с фактическим использованием средств связи. Первое из них проводилось 23 января на тему «отражение внезапного нападения противника на наши базы с моря, суши и воздуха», а второе учение проходило 13 марта на тему «активная оборона Финского залива во взаимодействии всех сил флота».

Учение № 1 по боевому управлению преследовало следующую общую учебную цель — проверка организации работы штабов на боевое

управление с использованием средств связи в операции, а также ряд частных учебных целей (проверка наличия и знания начсоставом функциональных таблиц, проверка знания начсоставом штабов новых условных обозначений для ведения карты обстановки и журнала боевых действий, тренировка штабов в сборе и обработке донесений, составление приказаний и пр.)¹⁹. Учением руководил сам командующий КБФ, штабом руководства являлся Штаб флота. К проведению учения были привлечены все основные соединения Балтийского флота. В период с 15 по 18 января была проведена подготовка к учению, 23 января проведено учение и 24–25 января произведен его разбор²⁰.

Учение выявило весьма неоднозначную картину состояния БП в соединениях, которые показали совершенно разные достижения в боевом управлении. Хорошо подготовленными оказались такие соединения флота, как Отряд легких сил, 1-я и 2-я бригады подлодок, военно-морские базы Кронштадт и Ханко. Удовлетворительно справились со своими задачами 1-я бригада торпедных катеров, Охрана водного района Главной базы, 3-я бригада подлодок, военно-воздушные силы КБФ, Либавская военно-морская база. Совершенно неудовлетворительно обстояли дела с боевым управлением на Эскадре КБФ и в системе ПВО базы Ханко²¹.

Крайне тревожным было положение в военно-морской базе Либава, которая вообще на протяжении всей первой половины года стабильно показывала очень низкие результаты в своей боевой подготовке. В частности, штабные командиры базы плохо усвоили Наставление по боевой деятельности штабов и правила ведения оперативных карт. В районе связи Либавской ВМБ дежурство по связи не было организовано, а схема связи отсутствовала. Хуже всего была организована связь в береговой артиллерии Либавы и в 43-й авиационной эскадрилье. Среди командиров штаба военно-морской базы Кронштадт было выявлено слабое знание вооруженных сил вероятных противников²².

Общим недостатком в работе штабов соединений и военно-морских баз КБФ было то, что они не пользовались картой квадратов, а некоторые штабы (ВВС, 3-й бригады подлодок и Кронштадтской военно-морской базы) и отдельные части даже не умели работать с ней. Обнаружилась очень неприятная картина, когда штабы ещё не научились (в течение 4-х лет! — П. П.) и не умели сообщать о противнике согласно требованиям БУМС-37. Как правило, полученные от посредников вводные не обрабатывались, а прямо посылались в эфир в том же виде. Несмотря на то, что штаб КБФ разработал и направил во все штабы специальную схему для составления донесений, ею нигде не пользовались²³.

В частности, в военно-морской базе Ханко отмечалось, что «вновь полученные документы “Наставление по боевой деятельности штабов

соединений ВМФ” и “Правила ведения оперативных карт” еще в штабах базы не усвоены и требуется проработка как самостоятельно со стороны командиров штабов так и методом групповых упражнений²⁴. В отчете по учению говорилось также о том, что вопросы связи требуют ещё значительной отработки, допускается очень много искажений в полученных шифровках и кодограммах, а также указывалось на большое время прохождения телеграмм от подписного номера до вручения адресату²⁵.

Общие выводы по игре были сделаны штабом флота в целом весьма сдержанные. По сравнению с прошлогодним учением по боевому управлению, было отмечено улучшение результатов, за исключением штаба эскадры. Штабы баз и соединений в целом более тщательно подготовились к учению и провели его на более организованном уровне. Боевая документация оформлялась вполне правильно и по содержанию была удовлетворительной. Начальники штабов соединений и баз (в частности, Охраны водного района ГБ, Отряда легких сил, 2-й бригады подлодок, 1-й бригады торпедных катеров, базы Ханко), наконец, поняли свои задачи и стали лучше учить своих командиров и контролировать их работу²⁶.

В то же время, многие командиры соединений и баз, наоборот, ослабили контроль и руководство по подготовке своих штабов. На учение по боевому управлению они смотрели как на ещё одну общеплотскую тренировку органов связи, отнеслись к нему во многом формально, и это важное мероприятие фактически отдали на откуп своим начальникам штабов. В первую очередь, это относилось к командующему эскадрой Н. Н. Несвицкому, командиру Кронштадской военно-морской базы В. И. Иванову и командиру Либавской военно-морской базы П. А. Трайнину²⁷. Они не выделили посредников в подчиненные им части, передали план-розыгрыш по игре своим начальникам штабов (хотя должны были руководить сами), а в ходе учения не проверяли работу своих штабов и частей.

Для устранения недостатков, выявленных на учении по БУ № 1, Военный Совет КБФ предписал провести на всех соединениях групповые упражнения по правилам ведения оперативных карт. Для этого, на учении № 2 следовало проверить, как откорректированы функциональные таблицы, согласно «Наставлению по боевой службе штабов ВМФ». Помимо этого, командиру эскадры было указано систематически тренировать командиров штабов и их заместителей, в целях взаимозаменяемости, на учениях по боевому управлению в соединении и общеплотского масштаба²⁸.

В соответствии с приказом командующего КБФ и планом боевой подготовки флота, 13 марта 1941 г. на Краснознаменном Балтийском флоте было проведено также учение по боевому управлению № 2 с фак-

тическим использованием средств связи. Тема этого учения была определена как «активная оборона устья Финского залива во взаимодействии всех сил флота». Учение № 2 преследовало следующую общую учебную цель — тренировка штабов баз и соединений флота в боевом управлении при взаимодействии всех сил флота, а также ряд частных учебных целей (проверка штабов в боевом управлении при тактическом развертывании флота в условиях противодействия подлодок, торпедных катеров и авиации противника; проведение практики штабов в активном добывании сведений, их систематизации и обработке)²⁹.

Результаты проведения учения № 2 выглядели достаточно противоречиво. С одной стороны, в отчете штаба КБФ было заявлено, что общая учебная цель была достигнута, а штабы в целом получили необходимую тренировку в боевом управлении. При решении частных учебных целей возникли определенные проблемы. Если штабы базы Ханко, 2-й бригады подлодок, 1-й бригады торпедных катеров и береговой обороны Главной базы хорошо решили первую задачу, то штабы военно-морской базы Либавы, 3-го дивизиона эсминцев, 10-й авиабригады и 81-й авиаэскадрильи справились с задачей плохо. Остальные соединения показали удовлетворительные результаты. Вторая учебная цель была хорошо отработана штабами базы Ханко, 2-й бригады подлодок и 1-й бригады торпедных катеров, плохо — штабами эскадры, базы Либавы, 1-й бригады подлодок и береговой обороны Балтийского района. Что касается третьей учебной цели, то здесь в основном все соединения решили её удовлетворительно, за исключением штабов базы Либавы и эскадры КБФ³⁰.

Общим недостатком в ходе учения являлся неотработанный командный язык при докладе обстановки и неумение штабных командиров делать выводы из оперативной обстановки. Взаимная информация о положении соседних частей отсутствовала в штабах базы Либавы, 1-й бригады подлодок, эскадры флота и береговой обороны Балтийского района. При приеме телеграмм в штабах соединений допускалось множество искажений. Составление донесений оставалось ещё слабым местом во многих соединениях, командиры подлодок не использовали таблицу условных сигналов при передаче своих донесений, а некоторые корабли вообще давали сообщения по флоту открытым текстом (! — П. П.)³¹.

Наибольшее количество нареканий по ходу учения № 2 имел штаб Либавской военно-морской базы. Прежде всего, штабом КБФ был отмечен тот неприятный факт, что почти все недостатки, отмеченные на прошлом учении, без изменения повторились на данном учении. Иными словами, никаких уроков из опыта прошедшего учения руководством ВМБ Либавы сделано так и не было. Функциональная таблица штаба не была откорректирована. Донесения о действиях противника зачастую

не анализировались в штабе базы, а просто передавались подчиненным частям. Целый ряд командиров частей базы вообще не руководили их действиями³². Иными словами, учение проводилось сугубо формально, а командование базы испытывало явное нежелание заниматься его подготовкой и проведением.

В действиях остальных соединений КБФ также имели место многочисленные упущения. В частности, на эскадре командиры обоих линкоров, будучи посредниками, мало давали вводных и недостаточно активно руководили учением. Командиры штаба эскадры недостаточно знали наставления, не умели грамотно докладывать обстановку и делать по ней выводы. В штабе отсутствовала практика контроля выполнения отданных приказов и распоряжений. Не практиковалось взаимное информирование соседних соединений, участвовавших в учении (ОЛС, БОБР). В Отряде легких сил КБФ перед началом учения командир отряда изменил своё решение, но об этом даже не поставили в известность подчиненные части и соседние соединения³³.

Впрочем, имелись и некоторые достижения в области работы средств связи флота. На учении по боевому управлению № 2 впервые применялась постоянно действующая схема связи (на предыдущих учениях каждый раз составлялась отдельная схема связи и давались указания по связи). Передача депеш, не относящихся к учению, была строго запрещена. Использовались только те средства связи, которые могли быть использованы в боевых условиях. Были открыты дополнительные радиовахты на участвовавших кораблях и радиоузлы, которые давали возможность тренировать личный состав в усиленном темпе³⁴.

Общие выводы по учению носили сдержанный характер. Хотя среднее время прохождения депеш и процент искажения снизились, их абсолютные величины всё равно оставались «недопустимо велики». Внедрение в практику работы штабов соединений таблицы условных сигналов (ТУС) и карт квадратов, как считал штаб КБФ, необходимо было развивать дальше. Всем начальникам штабов соединений и баз было приказано исправить отмеченные недостатки, а штабу флота надо было проверить их ликвидацию за 10 дней до начала следующего тактического учения³⁵.

Продолжением учений по боевому управлению стал сбор начальников штабов соединений флота, проведенный в период с 20 по 22 марта 1941 г. Основными учебными целями данного сбора командиров являлись следующие: 1) ознакомление начальников штабов с особенностями организации и управления современной боевой операцией; 2) обучение правильной методике, оценке обстановки, принятию решения и составлению боевой документации; 3) ознакомление начальников штабов с состоянием Балтийского театра и новой боевой техники, поступившей

на вооружение КБФ. В рамках данного сбора прозвучали доклады, посвященные тактико-техническим характеристикам новых советских боевых кораблей, артиллерийскому, минно-торпедному и авиационному вооружению ВМФ, а также военно-морским флотам иностранных держав на Балтике. Кроме того, было проведено групповое упражнение с начальниками штабов на тему «подготовка штаба к операции на оборону устья Финского залива»³⁶.

Групповое упражнение для начальников штабов имело своей целью проверить умение штабных командиров составлять боевые документы. Здесь внезапно обнаружилось, что большинство начальников штабов не умели даже грамотно составить боевые приказы. В начале приказа, где излагалась обстановка на театре, многие командиры лишь пересказывали разведывательную сводку, а не делали выводы из неё. Ряд штабных командиров указывали в приказах задачи противника, хотя они в принципе не могли их знать. Другой распространенной ошибкой штабных командиров береговой обороны было то, что они не упоминали о действующих рядом соединениях и частях флота и авиации, как будто действовали одни, «в безвоздушном пространстве». В разделе «Решение» многие начальники штабов не могли своими словами сформулировать задачу соединению, а просто переписывали её из директивы вышестоящего командования. Многие ставили подчиненным частям заведомо невыполнимые задачи, подходя к этому ответственному делу очень формально. Лучшее всего приказы были составлены начальниками штабов баз, значительно хуже — начальниками штабов соединений и частей³⁷.

Далее, в ходе группового упражнения проверялось умение штабных командиров составлять оперативные и разведывательные сводки, с целью проверки знания ими «Наставления по боевой деятельности штабов соединений ВМФ» 1940 г. Эта проверка показала, что данное наставление было плохо изучено подавляющей частью штабных работников. Имело место нарушение последовательности изложения событий в сводках. Некоторые командиры даже допускали искажение событий при указании в сводке, не анализировали полученные разведданные. Выяснилось, что не все начальники штабов умеют правильно писать сокращенные названия частей и кораблей. Зачастую командиры просто переписывали друг у друга сводки, повторяя одни и те же ошибки. Допускались безграмотные выражения, свидетельствующие о низкой штабной культуре командиров. Ведение карты обстановки также страдало большим количеством недостатков, и у большинства командиров штабов карты не использовались для того, чтобы помочь правильно изучить и оценить обстановку³⁸.

Общий вывод штаба КБФ носил неутешительный характер. Было обнаружено, что «Наставление по боевой деятельности штабов соеди-

нений» в части составления боевых документов ещё не было усвоено командирами, а составленная ими документация не соответствовала в большинстве своем требованиям БУМС-37. В документах отсутствовала ясность мысли и краткость изложения; наоборот, допускалось излишнее многословие, которое только запутывало подчиненных. Совершенно недостаточно проводился анализ имевшихся данных и действий по обстановке. В итоге, начальникам штабов было указано больше работать над собой и в подчиненных им частях, проводить занятия и упражнения по составлению документов в соответствии с требованиями БУМС-37 и «Наставлением по боевой деятельности штабов соединений»³⁹.

Подводя итоги сбора, командующий КБФ В. Ф. Трибуц отметил, что штабы соединений ещё не в полной мере отвечают требованиям, предъявляемым к органам боевого управления, и допускают при этом ряд ошибок в своей работе. К наиболее крупным ошибкам в работе штабов Трибуц отнес недостаточное руководство и контроль за оперативной готовностью и боевой подготовкой соединений, командование через голову подчиненных начальников, обилие ненужных бумаг и постоянную перегрузку радиоэфира лишней информацией, а также представление в штаб флота ложных донесений⁴⁰.

Не менее важным направлением, чем оперативная и тактическая подготовка командно-начальствующего состава, стала проверка готовности флота к первым боевым операциям. 12 января 1941 г. заместитель начальника Главного морского штаба ВМФ и начальник Оперативного управления ГМШ контр-адмирал В. А. Алафузов утвердил «План оперативной проверки КБФ, на предмет определения готовности к первым минным постановкам»⁴¹. Председателем комиссии был назначен заместитель начальника Оперативного управления ГМШ капитан 1-го ранга И. Ф. Голубев. Время проверки было определено с 12 по 17 февраля. Районами проверки были назначены Главная база (Таллин), устье Финского залива, Рига, Ирбенский пролив и Либава.

В качестве задач проверки, были утверждены следующие: 1) проверка наличия и степени разработанности исполнительной документации и соответствия её силам, средствам и степени подготовки сил; 2) проверка наличия и степени разработанности Лоции военного времени и соответствия ее минной документации; 3) проверка наличия, хранения и сортировки мин в соответствии с планом приемки; 4) проверка наличия кораблей-постановщиков и вариантов их замены; 5) проверка подготовленности кораблей к приемке, приготовлению мин, совместному маневрированию ночью, постановке мин; 6) проверка подготовленности выделенных сил для несения дозора, разведки, траления, уничтожения всплывших мин⁴².

В период с 14 по 21 февраля 1941 г. группа сотрудников Оперативно-го управления ГМШ под руководством заместителя начальника управления капитана 1-го ранга И. Ф. Голубева произвела на КБФ внезапную проверку готовности флота к минным постановкам. С этой целью были проверены штабы КБФ и Либавской военно-морской базы, а также крейсер «Максим Горький», минный заградитель «Урал», эсминцы «Карл Маркс», «Стойкий», «Сильный», «Сердитый», «Сторожевой», тральщики №№ 201, 204, 206, 207, 297, 298, 299, минные блокшивы №№ 1, 3 и 4, а также минные склады в Таллине, Риге и Либаве.

Проверка проводилась без выходов в море⁴³. Она также выявила неутешительную картину состояния подготовки кораблей Балтийского флота к минно-заградительным операциям. Штабом КБФ и штабом Либавской военно-морской базы были составлены планы минных постановок (МП) и исполнительные документы для кораблей, участвующих в постановке, а также даны соответствующие указания Гидрографическому отделу КБФ по навигационному обеспечению постановок и начальнику Тыла флота о порядке подачи мин. Но при этом не были завершены исполнительные документы командующим эскадрой и ВВС КБФ, планы сокращенных вариантов минных постановок, план и график подачи мин и минных защитников из Кронштадта и не были разработаны наставления на операцию по выполнению минных постановок, логия военного времени и правила плавания торговых судов в военное время⁴⁴.

Главный недостаток подготовки КБФ к минным постановкам заключался в неудовлетворительном материальном обеспечении запланированных минно-заградительных операций КБФ. Запаса мин в Главной базе флота (Таллин) хватало для минных постановок лишь на первые 3 дня войны, а запаса минных защитников — вообще на 1 день. Необходимый по плану МП-1 запас мин и минных защитников не был сосредоточен в Таллине из-за отсутствия там необходимых складов. Имевшимися на месте запасами мин и защитников план МП-1 вообще не был обеспечен и в случае войны не мог быть выполнен в положенные сроки.

Реализация плана МП-2 также оказалась под вопросом. Из необходимых для постановок 1200 мин обр. 1926 г. имелось на складах в Риге лишь 200 мин (16%). Правда, по другим типам мин наблюдался некоторый излишек. Излишек минных защитников предполагалось в дальнейшем подать в Таллин, для обеспечения плана МП-1. Трудность с реализацией МП-2 заключалась еще и в том, что для минных постановок флоту требовалось транспортное судно, специально оборудованное под минный заградитель, но вплоть до осени 1941 г. ждать его было неоткуда. В связи с этим было решено осуществлять постановки по сокращенному варианту, когда каждая линия мин состоит из ряда защитников

и ряда мин. При этом эффективность заграждения понижалась примерно в 2 раза⁴⁵.

Лишь установка минных заграждений по плану МП-3 была вполне обеспечена наличным минным запасом: из требовавшихся 675 мин обр. 1912 г. имелось 672 мины. Однако разработанное наставление на постановку МП-3 не отвечало требованиям и отражало лишь перечень предварительных мероприятий по обеспечению операций⁴⁶.

Оперативное управление ГМШ потребовало от Военного совета КБФ закончить разработку исполнительных документов, составить наставления на выполнение операций по постановкам МП-1, 2 и 3, рассчитать методы и средства навигационного обеспечения минных постановок. Следовало проверить организацию и материальное обеспечение подачи мин в Таллин и Ригу. Из-за сложности и длительности подачи мин из тыловых баз, было предписано необходимый запас мин для обеспечения МП-1 и МП-2 хранить в Главной базе, а для постановок в Ирбенском проливе — в Риге. Командованию КБФ было рекомендовано провести в мае 1941-го года вторичную проверку готовности к минным постановкам, с выходом кораблей в море⁴⁷.

27 февраля 1941 г. нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов издал приказ № 0028, где повторил основные выводы комиссии Оперативного управления ГМШ, а также указал на ряд новых фактов, свидетельствовавших о плохом состоянии минного дела на КБФ⁴⁸. По мнению наркома ВМФ, из проверенных кораблей «не оказалось ни одного готового к выполнению минных постановок». Основными причинами неготовности кораблей являлось плохое знание личным составом БЧ-3 материальной части мин, неотработанность организации приема и постановки мин, неудовлетворительные знания командиров кораблей о правилах маневрирования при минной постановке. На всех проверенных кораблях запальные команды к практическому приготовлению мин были подготовлены слабо, а на тральщиках оказались неподготовленными и запальные команды, и командиры БЧ-3⁴⁹.

Нарком ВМФ отмечал в приказе «варварское» отношение к хранению минного оружия на КБФ. К примеру, в Таллине хранилось 747 мин «Рыбка» прямо на открытом воздухе, в беспорядочной «куче», в Либаве был случай повреждения на кораблях мин, находившихся под дождем несколько дней, а при транспортировке со склада в Ригу 27 минных защитников произошли поломки, и они требовали капитального ремонта. Вывод наркома ВМФ относительно общей готовности КБФ к минно-заградительным операциям носил неудовлетворительный характер: «В результате всей проверки выявлено, что Краснознаменный Балтийский флот к минно-заградительным операциям не готов»⁵⁰.

Основной причиной неудовлетворительного состояния минного дела на Балтике Н. Г. Кузнецов посчитал невыполнение требований своего приказа № 0893 от 26 ноября 1940 г. и «Наставления по ведению морских операций». Ситуация усугублялась отсутствием должной требовательности и контроля со стороны Военного Совета КБФ подготовки к боевым операциям, что привело к самоуспокоенности Штаба КБФ и командиров кораблей. Кузнецов приказал Военному Совету КБФ осуществить «решительный перелом» в подготовке флота к проведению минно-заградительных операций и доложить ему о готовности к 1 апреля 1941 г. Командованию Балтфлота также было поручено расследовать случаи порчи минного боезапаса и его небрежного хранения и привлечь всех виновных к ответственности⁵¹.

Фактически намеченные планы минных постановок КБФ повисали в воздухе ввиду невысокой минной подготовки личного состава кораблей и неправильного распределения минно-трального оружия в базах флота. Здесь стоит отметить, что и к 22 июня 1941 г. подавляющая часть мин и минных защитников всё ещё продолжала храниться в тыловой базе флота — Кронштадте⁵². Подобное массивное сосредоточение минного вооружения флота в глубоком тылу, с одной стороны, уменьшало риск его потери. Но с другой стороны, в случае внезапного начала войны необходимо было срочно грузить минный запас на корабли и перебрасывать его к передовым рубежам развертывания флота. Фактор внезапности минных постановок при этом неизбежно терялся, и минно-заградительные операции КБФ могли просто потерять свою актуальность в условиях быстро меняющейся обстановки.

Пристальное внимание к минно-тральной подготовке КБФ было проявлено руководством ВМФ не случайно: операции по осуществлению минных постановок носили во многом определяющий характер, ибо призваны были создать благоприятные условия для боевой деятельности флота ещё на начальном этапе войны. Эти постановления должны были прикрыть развертывание сил КБФ на театре и затруднить действия противника. Если командованию флотом не удалось своевременно осуществить минно-заградительные операции, то весь план боевых действий флота вообще оказывался под вопросом, и тогда КБФ мог оказаться в крайне невыгодной для себя ситуации⁵³.

Итоги боевой подготовки флота за зимний период были подведены В. Ф. Трибуцем в приказе № 0118 от 3 апреля 1941 г. В соответствии с прошлыми указаниями наркома ВМФ весь период с 1 января по 1 апреля был использован Балтийским флотом для того, чтобы сохранить уровень боевой подготовки, достигнутый соединениями и кораблями флота к концу 1940 г. На кораблях в это время проводилась подготов-

ка одиночного бойца и сколачивание подразделений, на береговых батареях осуществлялись зимние стрельбы, а в авиачастях проводилась летная подготовка. Командирская учеба была направлена на повышение оперативно-тактической подготовки всего начсостава, который так же, как и штабы флота, соединений и баз, тренировался на базовых тактических учениях по зимней обороне, на оперативно-тактических играх и учениях по боевому управлению.

По результатам зимней учебы, в лучшую сторону выделялись такие соединения, как 1-я бригада подводных лодок и военно-морская база Ханко. Из частей военно-воздушных сил КБФ лучше всего были отработаны 15-й разведывательный авиаполк, 13-й истребительный авиаполк 10-й бригады, 12-я истребительная авиаэскадрилья 61-й бригады и 44-я разведывательная авиаэскадрилья, которые в основном выполнили планы боевой подготовки и сумели ввести в строй молодой летный состав⁵⁴. Наряду с хорошо отработанными соединениями, частями и кораблями, имелись и такие, которые проходили курс БП и осуществляли командирскую учебу откровенно плохо. К числу наиболее отстающих соединений, частей и кораблей были отнесены: 1-й дивизион быстроходных тральщиков, крейсер «Киров», канонерская лодка «Красное знамя», минный заградитель «Урал», береговая оборона Балтийского района, 8-я авиабригада и 41-я авиаэскадрилья ВВС КБФ, участки ПВО военно-морских баз Либава и Кронштадт⁵⁵.

Претензии к работе командно-начальствующего состава командующий КБФ Трибуц выдвинул очень серьезные, среди которых фигурировали: невыполнение основных требований раздела «Боевая подготовка одиночного корабля» Корабельного устава ВМФ 1939 г. (КУ-39); медленное внедрение в жизнь КУ-39 и нарушение распорядка дня; плохое содержание оружия и механизмов на кораблях; недостаточная учеба и воспитательная работа с младшим начальствующим составом. Общее качество учений и занятий было охарактеризовано В. Ф. Трибуцем как низкое, при этом методика обучения явно находилась в загооне. Многие командиры стремились переложить обучение вверенного им личного состава на малоподготовленный, а иногда и совсем неподготовленный младший начсостав. Последовательность обучения очень часто нарушалась, что сильно обесценивало действующие курсы и методики боевой подготовки⁵⁶.

С целью ликвидации имевшихся недостатков, командующий КБФ приказал командирам баз и соединений флота принять самые решительные меры, с последующим докладом ему о состоянии соединений в конце апреля. Одновременно, Трибуц возложил функцию контроля за состоянием боевой подготовки на флоте на начальника штаба КБФ, который должен был в своих циркулярах объявлять оценку выполнения планов боевой подготовки всеми соединениями, базами и частями⁵⁷.

2 апреля 1941 г. заместитель наркома ВМФ и начальник ГМШ адмирал И. С. Исаков направил Военному Совету КБФ директиву № 10043с, где содержалось указание наркома ВМФ о том, что в кампанию 1941 г. следует четко соблюдать схему базирования флота и использование участков театра для боевой подготовки действующего флота и испытаний сдающихся кораблей⁵⁸. Низкий уровень боевой подготовки личного состава КБФ в прошедшем году он объяснял исключительно тем обстоятельством, что «в кампанию 1940 г. выход несданных кораблей в передовую зону театра был вынужденным и не всегда оправдывался обстановкой». В результате районы боевой подготовки и районы испытаний новых кораблей оказались перепутаны. Нарком ВМФ предложил категорически запретить походы и базирование несданных флоту кораблей в Либаву, Рижский залив, Ханко и Палдиски. Временный вход сдаваемых промышленностью или испытываемых кораблей в Главную базу флота (Таллин) следовало ограничить «только случаями крайней необходимости». Основным районом для всех видов испытаний кораблей, сдаваемых флоту, нарком ВМФ назначил восточную часть Финского залива, с базированием и обеспечением из Кронштадта, Ораниенбаума и Ленинграда⁵⁹.

Организация процесса боевой подготовки и порядок проведения испытаний кораблей Краснознаменного Балтийского флота в особых условиях (т. е. в период угрозы и во время войны) были определены приказом В. Ф. Трибуца № 0028 от 13 марта 1941 г. В нем было указано, что на период нахождения флота в оперативной готовности № 1 и в военное время боевая подготовка проводится на всех кораблях и частях флота, а при планировании БП следовало исходить из оперативной готовности соединения. Для прохождения боевой подготовки были отведены следующие районы: район № 1 — восточная часть Финского залива; район № 2 — Рижский залив. Все корабли, находящиеся в организационном периоде, на заводских или сдаточных испытаниях, с объявлением готовности № 1 или войны должны были переходить в свои базы мобилизации, после чего от Штаба флота получить указание о дальнейшем прохождении БП и испытаний⁶⁰.

Через месяц Трибуц своим приказом, откорректировал порядок прохождения боевой подготовки испытаний кораблей. В соответствии с приказом, для прохождения БП при оперативной готовности № 1 и в военное время, отводились следующие полигоны: а) в восточной части Финского залива с № 1 по № 17 включительно; б) в Рижском заливе с № 18 по № 31 включительно. При этом боевое обеспечение и прохождение БП было возложено в восточной части Финского залива на командира Кронштадтской военно-морской базы, а в Рижском заливе — на командира Либавской военно-морской базы⁶¹. Все корабли, проходящие организа-

ционный период, заводские или сдаточные испытания, а также учебные корабли, не переходящие в боевое ядро флота, с объявлением готовности № 1 или с объявлением войны должны были переходить в свои базы мобилизации, после чего в одну из баз по указанию Штаба КБФ (Кронштадт, Таллин, Рига), где и получали бы от командиров военно-морских баз указания о дальнейшем прохождении БП и испытаний⁶².

В период с 11 по 12 апреля 1941 г. по плану была проведена внезапная проверка боевой готовности соединений КБФ, расположенных в Главной базе — Таллине. Данная проверка была направлена, прежде всего, на решение следующих задач: 1) проверка системы оповещения и знания инструкций по оперативной готовности в частях КБФ; 2) проверка приемки полного запаса мин на двух эсминцах Отряда легких сил; 3) подготовка к выходу одной подлодки и одного тральщика; 4) проверка Тыла в подаче снабжения по тревоге; 5) тренировка Штаба КБФ в работе и флагманского командного пункта и разработке оперативной документации и другие⁶³. Для командования КБФ было важно оценить уровень подготовки кораблей к проведению первых минных постановок. Учитывая результаты проведенной ГМШ ещё в феврале 1941-го года проверки подготовки КБФ к минно-заградительным операциям, ситуация здесь выглядела неблагоприятно.

Откровенным сюрпризом стало то, что штаб КБФ не знал, какие именно корабли Отряда легких сил готовы к приемке мин, а какие нет. Первоначально, тылу флота было приказано грузить мины на эсминец «Сторожевой», однако, затем выяснилось, что на эсминце разобраны машины, и выйти в море он не может. После напоминания об этом командиру 2-го дивизиона эсминцев, тот ответил, что к постановке готов эсминец «Сердитый», о чем тыл флота не был предупрежден. Винаватым во всей этой путанице был 1-й отдел штаба флота, который даже не оповестил тыл флота, что в боевом ядре КБФ состоит эсминец «Сердитый», а вовсе не «Сторожевой». Сама погрузка мин на эсминец затем прошла нормально⁶⁴. Штаб Отряда легких сил также отметил ряд недостатков в работе кораблей и штабов. Во-первых, оперативный дежурный штаба не знал, какой корабль должен принимать мины. При условном налете на крейсер «Максим Горький» на корабле была объявлена боевая готовность № 1, а штаб находился в готовности № 2. Крейсер «Максим Горький» не был обеспечен буксиром для доставки торпед из минной гавани, а турбинное масло не было принято⁶⁵.

Затем настала очередь проверки боевой готовности Либавской военно-морской базы и базировавшейся там 1-й бригады подлодок. В период с 17 по 19 апреля начальником штаба КБФ Ю. А. Пантелеевым и командирами штаба здесь была проведена внезапная проверка оператив-

ной готовности боевого ядра Либавской базы и 1-й БПЛ. В ходе данной проверки было выявлено много недочетов, свидетельствующих о плохом руководстве со стороны командования базы. Система оповещения частей в штабе Либавской ВМБ организована была нечетко. Оперативная готовность № 2 отдельными частями была принята либо несвоевременно, либо совсем не принята. С установлением оперативной готовности № 2 штаб Либавской военно-морской базы и части не сделали для себя того простого вывода, что повышенная оперативная готовность требует мобилизации всего личного состава, проверки состояния всех частей базы, поскольку очевидно, что за готовностью № 2 может последовать оперативная готовность № 1. Оперативный дежурный по штабу Либавской ВМБ совершенно не знал обстановки и состояния подчиненных частей, не имел документа, определяющего состав боевого ядра, и не знал состава дежурных кораблей⁶⁶. Более того, флагманский командный пункт своевременно развернут не был, дежурный командир-оператор своих обязанностей не знал и четко не представлял себе, что делать, журнал боевых действий и карта обстановки не велись. Наконец, начальник тыла базы своевременно об обстановке информирован не был, обстановку не знал, и начальствующий состав тыла в период оперативной готовности № 2 мобилизован не был⁶⁷.

По плану боевой подготовки флота, на 6 мая 1941 г. в Либавской военно-морской базе намечалось проведение тактического учения № 1 (ТУ № 1-бис) на тему «Обороны базы». Однако, по целому ряду причин, данное учение было прервано командующим КБФ в самом начале. Изучение данного события объясняет нам очень многое в дальнейшей деятельности этой военно-морской базы, и в первую очередь, её крайне неудачную оборону в начале Великой Отечественной войны.

После проведения проверки подготовки частей ВМБ Либавы к учению и в ходе самого учения, В. Ф. Трибуцем был выявлен целый ряд крупных недочетов, которые являлись прямым следствием невыполнения его предыдущих указаний о порядке подготовки учений. В связи с обнаруженными нарушениями, командующий КБФ принял решение о прекращении учения № 1⁶⁸. В своем приказе № 1/оп от 8 мая командующий флотом подробно рассмотрел все произошедшие на учении события.

Во-первых, выяснилось, что штаб Либавской военно-морской базы не был своевременно привлечен к разработке плана подготовки и проведения учения, в результате чего план представлялся командующему флотом на утверждение два раза, причем оба раза в «явно неудовлетворительном виде». Указания по его исправлению были исполнены поздно, уже накануне дня учения и лишь с помощью работников штаба КБФ. Предварительные игры и групповые упражнения были проведены неу-

довлетворительно, наспех и то лишь под нажимом командующего флотом. Во-вторых, штаб базы слишком поздно разработал и раздал частям стороны «А» документы на учение — только в ночь на 6 мая, в день развертывания частей. Причем при подготовке учения штаб базы пренебрег прогнозом погоды и не озаботился организацией работы метеослужбы. Авиация в базе даже не была проведена в боевую готовность. Ни в городе, ни в частях гарнизона базы даже не была введена светомаскировка⁶⁹.

В ходе проведения учения, наблюдалась исключительная неорганизованность и безалаберность в работе начальника штаба базы капитана 1-го ранга М. С. Клевенского, а также неудовлетворительная слаженность работы штаба базы в целом. Отдельно В. Ф. Трибуцем было отмечено «нездоровое отношение с командирами сухопутных частей, что идет только во вред делу обороны базы». И здесь главная вина была возложена на М. С. Клевенского, «не желавшего согласовывать» вопросы обороны базы с командирами сухопутных частей в Либаве. Не исключено, что это обстоятельство затем сыграло свою трагическую роль в ходе обороны базы в начале Великой Отечественной войны. Штаб Либавской военноморской базы также плохо руководил средствами связи, игнорируя при этом даже прямые указания командующего КБФ. Не соблюдалась секретность передачи приказаний, многие депеши оформлялись небрежно⁷⁰.

В ходе подготовки проведения учения обнаружилось, что командир Либавской базы контр-адмирал П. А. Трайнин неудовлетворительно руководил работой штаба, не контролировал выполнения своих приказаний и принятых решений. Более того, командир базы позволял своему начальнику штаба отменять или изменять его приказы, что вносило элемент дезорганизации. По ходу подготовки учения было отмечено большое количество лживых докладов командиров соединений, частей и штабов. В частности, ложно сообщалось о нахождении частей в тех местах, где их вообще не было. В городе Либава не проводилось затемнение, более того, даже в военном городке и частях МПВО оно не было отработано⁷¹.

В итоге, работа по подготовке и руководству учением со стороны командира Либавской военноморской базы контр-адмирала П. А. Трайнина была оценена В. Ф. Трибуцем неудовлетворительно. Командующий флотом приказал в месячный срок решительными мерами устранить все отмеченные недостатки, после чего учение следовало повторить. На непосредственных виновников нарушений действующих правил оповещения были наложены строгие взыскания. К 10 июня требовалось представить командующему КБФ на утверждение план повторного учения № 1-бис⁷². В дополнение к данному приказу, 27 мая командующий КБФ своим приказом № 0053 объявил командиру Либавской военноморской базы выговор за плохую подготовку учения⁷³.

10 июня начальник штаба КБФ контр-адмирал Ю. А. Пантелеев в своем циркуляре № 0104 подвел итоги проведенной в период с 1 мая по 1 июня 1941 г. в соединениях флота подготовки одиночного бойца, отработки боевой части, одиночного корабля и выполнения огневых задач, а также тактических учений по обороне баз с участием флота. Общая оценка выполнения плана по эскадре КБФ была лишь удовлетворительной. Только линкор «Октябрьская революция» получил хорошую оценку, все остальные корабли и части — удовлетворительные. Отряд легких сил также получил «удовлетворительно» за боевую подготовку. Лишь 2-й дивизион эсминцев отряда имел хорошую оценку. На 1-й бригаде подводных лодок за выполнение плана БП была выставлена общая оценка «удовлетворительно». Во 2-й бригаде подлодок общая оценка также носила удовлетворительный характер. Таких же оценок добились и Учебная бригада подлодок. Удовлетворительную оценку получила и группа минных заградителей в составе «Марти» и «Урал»⁷⁴.

Что касается военно-морских баз, то здесь ситуация выглядела следующим образом. Базы Ханко, Кронштадт и Либава получили за выполнение плана БП общую оценку «удовлетворительно». Такие же успехи имелись и у Береговой обороны Балтийского района. Зато в числе отстающих оказалась Береговая оборона Главной базы (БО ГБ), которая получила оценку «неудовлетворительно». Отмечалась плохая работа Штаба БОБР на всех учениях и поверхностная проверка стрельб береговых батарей. Охрана водного района, наоборот, выполнила план боевой подготовки на оценку «хорошо». В результате проверки выяснилось, что отстающими соединениями на 1 июня 1941 г. являются канонерская лодка «Красное знамя» из Шхерного отряда КБФ и Береговая оборона Главной базы⁷⁵.

Говоря о ходе боевой подготовки соединений флота в предвоенный период, нельзя не отметить и такой её характерной особенности, как необъективное отношение части командного состава КБФ при оценке уровня боевой подготовки многих кораблей. Это приводило к неоправданному зачислению многих кораблей в категорию полностью боеготовых и включению их в состав боевого ядра флота. Совершалось это очковитирательство для улучшения общих показателей БП флота, что приводило к завышению подлинного уровня боевой готовности многих кораблей, которые на деле являлись небоеспособными. В отдельных случаях это обнаруживалось и приводило к вынесению выговоров отдельным командирам⁷⁶, но в целом отношение командования КБФ к подобным манипуляциям ряда командиров соединений было снисходительным, ибо многим это было выгодно.

Ввиду явного нарастания угрозы возникновения войны с Германией, Военный Совет КБФ был вынужден с начала июня 1941 г. прервать про-

цесс боевой подготовки и сосредоточить свое внимание исключительно на организации корабельных дозоров и воздушной разведки на Балтийском театре. Поэтому были отменены общефлотские маневры, а также тактические учения Балтийского флота №№ 3 и 5, намеченные на начало июня 1941 г.⁷⁷ Связано это было с процессом сосредоточения германских войск вдоль сухопутной границы СССР и активизацией разведывательной деятельности немецкого флота и ВВС в советских территориальных водах весной 1941 г.

7 мая 1941 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов дал указание Военному Совету КБФ установить с 8 мая корабельные дозоры в устье Финского залива, на подходах к Ирбенскому проливу, на подходах к Таллину, Лиепае и Ханко. 14 июня Военному Совету КБФ было приказано усилить дозор в устье Финского залива, а также выставлять на ночь дозорные корабли в Ирбенском проливе и со стороны Рижского залива⁷⁸. В итоге, в мае-июне 1941 г., как свидетельствует Кузнецов, боевая подготовка на КБФ проходила «в совсем необычных условиях»⁷⁹. А между тем, по плану БП флота все основные учебно-практические мероприятия на Балтике были намечены командованием КБФ именно на летний период 1941 г., что не могло не сыграть сугубо отрицательной роли в деле прохождения флотом полного курса боевой подготовки.

В своем приказе от 5 июня 1941 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов потребовал от командования флотов «обнаруженные недочеты фактической оперативной готовности корабля, части, соединения флота доносить ... как о чрезвычайном происшествии», а также «строго наказывать за случаи притупления внимания и очковтирательские заключения»⁸⁰. От указанного фактора в тот момент зависело очень многое, и в первую очередь, готовность КБФ к боевым действиям в случае начала войны. Наконец, 19 июня по указанию Главного морского штаба ВМФ Краснознаменный Балтийский флот был переведен на оперативную готовность № 2, а 22 июня нарком ВМФ объявил оперативную готовность № 1 по флоту⁸¹.

Подводя итог предвоенной боевой подготовке КБФ, стоит обратиться по данному вопросу к «Краткому обзору боевых действий КБФ с 22 июня по 31 декабря 1941 г.», составленному в штабе КБФ весной 1942 г. В документе говорится, что к началу боевых действий в надводных и подводных силах КБФ имелось большое количество кораблей, недавно сданных промышленностью и потому небоготовых, а «соединения кораблей только что приступили к огневой подготовке и сколачиванию подразделений, кораблей для совместных боевых действий»⁸². Особое внимание при этом обращалось на подготовку дивизионов, как основных тактических соединений. Общий вывод в обзоре делался весьма неутешительный: «...корабельный состав КБФ, как по своему составу, так

и по подготовке к началу войны представлял собою еще молодые, не совсем сколоченные организационно корабли, которым сложные задачи на первых порах ставить было нельзя. Отдельные классы кораблей были слишком малочисленны и кроме того имели неравномерную подготовку, не позволявшую ставить перед ними выполнение даже простейших задач на оборону»⁸³.

Впоследствии адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов справедливо заметил в своих мемуарах, что «мы не сделали... всех выводов» из опыта советско-финляндской войны, из-за чего «положение в центральном аппарате мало изменилось к моменту нападения на нас Германии»⁸⁴. Правда, бывший нарком ВМФ оправдывал это тем обстоятельством, что до начала Великой Отечественной войны «времени оставалось мало и кардинально изменить положение оказалось уже невозможным»⁸⁵. Однако, для исправления ситуации необходимо было ещё определённое желание, а его у Военного совета КБФ в течение 1940-го — первой половины 1941-го года зачастую не наблюдалось. Большую роль здесь играло то обстоятельство, что сами командиры, которые должны были руководить боевой подготовкой флота, были плохо подготовлены и просто не справлялись со своими обязанностями.

Особенно неудовлетворительным оставалось на КБФ положение с боевым управлением, службой штабов всех уровней, а также оперативной и тактической подготовкой командного и начальствующего состава флота, которая находилась на довольно низком уровне. Именно этим объяснялись многочисленные просчёты командования флотом при организации его боевой деятельности, неудачные боевые операции и, как следствие, тяжёлые потери Краснознамённого Балтийского флота в 1941–1942 гг. Последующая боевая деятельность КБФ в 1943–1945 гг. также не впечатляла особыми достижениями. Серьезные недостатки в подготовке личного состава флота, заложенные ещё в мирное время, пришлось исправлять непосредственно в ходе боевых действий Великой Отечественной войны, жертвуя при этом обучением немалыми людскими силами и материальными средствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Курсом чести и славы: ВМФ СССР / России в войнах и конфликтах второй половины XX века. М., 2006. С. 102.

² Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1992. С. 118; Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия Российского флота. 1941–1945. СПб., 2005. С. 22; Платонов А. В. Трагедии Финского залива. М.—СПб., 2005.

С. 37–38; Чернышев А. А. 1941 год на Балтике: подвиг и трагедия. М., 2009. С. 30; Грибовский В. Ю. Балтика 1941 г. Начальный период войны // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 3. Военно-Морской Флот (специальный выпуск). СПб., 2012. С. 38–39; Петров П. В. Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 — весна 1941 гг. М., 2016. С. 483–505, 646–648.

³ Платонов А. В. Трагедии Финского залива. С. 37.

⁴ Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее — РГА ВМФ). Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 165.

⁵ Там же. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 166–167.

⁶ Там же. Д. 135. Л. 167–169. Д. 164. Л. 473–474.

⁷ Там же. Д. 135. Л. 169–170.

⁸ Там же. Л. 171–172. Д. 164. Л. 476–477; Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 161. Оп. 6. Д. 140. Л. 141.

⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 177–179.

¹⁰ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 161. Оп. 6. Д. 66. Л. 1. РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1012. Л. 106–107.

¹¹ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 161. Оп. 6. Д. 147. Л. 29.

¹² Там же. Л. 30–31.

¹³ Там же. Л. 31.

¹⁴ Там же. Л. 38.

¹⁵ Там же. Л. 39–41.

¹⁶ Там же. Л. 45–89, 90.

¹⁷ Там же. Л. 91–92, 96–99, 104–109.

¹⁸ Там же. Л. 94–95.

¹⁹ Там же. Д. 166. Л. 1; Д. 167. Л. 4.

²⁰ Там же. Д. 166. Л. 2.

²¹ Там же. Д. 166. Л. 43; Д. 167. Л. 4–5.

²² Там же. Д. 167. Л. 8.

²³ Там же. Д. 166. Л. 45.

²⁴ Там же. Д. 158. Л. 11.

²⁵ Там же. Л. 12.

²⁶ Там же. Д. 166. Л. 48, 186; Д. 167. Л. 11.

²⁷ Там же. Д. 166. Л. 48; Д. 167. Л. 11.

²⁸ Там же. Д. 167. Л. 12.

²⁹ Там же. Л. 35; Д. 168. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 35–36.

³¹ Там же. Л. 36.

³² Там же. Л. 37.

³³ Там же. Л. 38.

³⁴ Там же. Л. 38–39.

³⁵ Там же. Л. 41–42.

³⁶ Там же. Д. 43. Л. 1–3.

³⁷ Там же. Л. 23–24, 51–52.

³⁸ Там же. Л. 25–27, 52.

- ³⁹ Там же. Л. 28.
- ⁴⁰ Там же. Л. 52.
- ⁴¹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 167. Л. 229–232.
- ⁴² Там же. Л. 229–230.
- ⁴³ Там же. Д. 166. Л. 32.
- ⁴⁴ Там же. Л. 32–33.
- ⁴⁵ Там же. Л. 34–35.
- ⁴⁶ Там же. Л. 35–36.
- ⁴⁷ Там же. Л. 56.
- ⁴⁸ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 161. Оп. 6. Д. 2. Л. 14–17; РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 166. Л. 142–145.
- ⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 166. Л. 142–143.
- ⁵⁰ Там же. Л. 143–145.
- ⁵¹ Там же. Л. 145.
- ⁵² Из 2845 мин обр. 1908 г. там находилось 1280 мин (45%), из 5717 мин обр. 1926 г. — 4060 мин (71%), все 903 мины обр. 1931 г. (100%), из 615 мин «ПЛТ» — 576 мин (93%), все 747 мин «Рыбка» (100%), из 3309 минных защитников — 1597 (48%) (Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 2. Оп. 1. Д. 517. Л. 172–173).
- ⁵³ Именно так и произошло летом 1941 г., когда немецкий и финский ВМФ упредили КБФ в минных постановках в Финском заливе и создали крайне невыгодные условия для его боевой деятельности.
- ⁵⁴ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 161. Оп. 6. Д. 147. Л. 261–262.
- ⁵⁵ Там же. Л. 263–264.
- ⁵⁶ Там же. Л. 263.
- ⁵⁷ Там же. Л. 264–265.
- ⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 180. Л. 15.
- ⁵⁹ Там же. Л. 15.
- ⁶⁰ Там же. Д. 167. Л. 325–326.
- ⁶¹ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 784. Д. 56. Л. 44–45.
- ⁶² Там же. Л. 45.
- ⁶³ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 41. Л. 1.
- ⁶⁴ Там же. Л. 26.
- ⁶⁵ Там же. Л. 27–28.
- ⁶⁶ Там же. Д. 158. Л. 231–232.
- ⁶⁷ Там же. Л. 232.
- ⁶⁸ Там же. Д. 5. Л. 80.
- ⁶⁹ Там же. Л. 80–81.
- ⁷⁰ Там же. Л. 81.
- ⁷¹ Там же. Л. 81–82.
- ⁷² Там же. Л. 82.
- ⁷³ Там же. Д. 147. Л. 327.
- ⁷⁴ Там же. Л. 337–339.
- ⁷⁵ Там же. Л. 339–341.
- ⁷⁶ Там же. Д. 5. Л. 19–21, 22–24.
- ⁷⁷ Там же. Д. 66. Л. 21.

⁷⁸ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917–1941. М., 1993. С. 671–672; Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1992. С. 117.

⁷⁹ Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. М., 1991. С. 283.

⁸⁰ Цит. по: Усенко Н. В. Нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов // Военно-исторический архив. 1997. Вып. 1. С. 8.

⁸¹ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 517. Л. 12.

⁸² Там же. Л. 18–19.

⁸³ Там же. Л. 19–20.

⁸⁴ Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. С. 263.

⁸⁵ Там же. С. 331.

ЛИТЕРАТУРА

Барышников В. Н. К вопросу о планировании советским Балтийским флотом военных действий против Финляндии в 1930-е гг. (расчеты и реальность) // Россия и Финляндия в XX веке. — Vaduz—Liechtenstein, 1997. С. 100–115.

Барышников В. Н. Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 93–102.

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917–1941. М.: Воениздат, 1993. 838 с.

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М.: Воениздат, 1992. 631 с.

Грибовский В. Ю. Балтика 1941 г. Начальный период войны // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 3. Военно-Морской Флот (специальный выпуск). СПб., 2012. С. 25–69.

Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия Российского флота. 1941–1945. М.: АСТ, СПб.: Полигон, 2005. 766 с.

Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. М.: Воениздат, 1991. 732 с.

Курсом чести и славы: ВМФ СССР/России в войнах и конфликтах второй половины XX века. Под ред. А. А. Кольтюкова. М.: Кучково поле, 2006. 480 с.

Петров П. В. Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 — весна 1941 г. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 704 с.

Платонов А. В. Трагедии Финского залива. М.: Эксмо, СПб.: Terra Fantastica, 2005. 672 с.

Усенко Н. В. Нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов // Военно-исторический архив. 1997. Вып. 1. С. 3–22.

Чернышев А. А. 1941 год на Балтике: подвиг и трагедия. М.: Вече, 2009. 384 с.